

Т.С. ЛЫТКИНА, С.С. ЯРОШЕНКО

НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ГЕНДЕРА И КЛАССА: КАК ОДИНОКИЕ МАТЕРИ ОРГАНИЗУЮТ ПОВСЕДНЕВНУЮ ЖИЗНЬ В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РОССИИ

ЛЫТКИНА Татьяна Степановна – кандидат социологических наук, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия (tlytkina@yandex.ru); ЯРОШЕНКО Светлана Сергеевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры сравнительной социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия (svetayaroshenko@gmail.com).

Аннотация. В статье анализируется, как гендерное неравенство вплетается в процесс классовообразования в постсоциалистических условиях. На материалах глубинных полуструктурированных интервью с одинокими матерями в рамках лонгитюдного исследования, выполненного с 1999 по 2010 г., выявлена тенденция усиления структурного угнетения женщин через сворачивание гарантий, повышение интенсивности оплачиваемого труда, снижение уровня заработной платы. Интенсивность труда не ограничивается оплачиваемой занятостью, она возрастает и в домашней сфере, где им также приходится быть более практичными, затрачивая дополнительные усилия на поддержание социальных связей, экономить на продуктах питания и услугах. Норма советского гендерного порядка двойной занятости женщины и дома, и на работе наполнилась другим смыслом. Женская занятость по принуждению государства трансформировалась в экономически вынужденную занятость, которая, однако, не позволяет достичь материальной независимости и уверенности в завтрашнем дне. Перспективы восходящей мобильности все больше ограничиваются не только для изучаемых нами женщин, но и их детей.

Ключевые слова: одинокие матери • занятость • жизненные стратегии • благополучие • марксистский феминистский анализ • постсоциализм

DOI: 10.31857/S013216250017574-4

Семья как социальный институт переживает глубокие изменения. Они проявляются в снижении числа браков и падении рождаемости, росте числа разводов и распространении практики раздельно живущих супругов, повышении доли внебрачных детей и числа незарегистрированных браков, увеличении количества неполных семей. Российская специфика – повышенный уровень смертности мужчин среднего возраста, увеличивающий число женщин, воспитывающих детей без отца. Добровольный выбор одинокого материнства согласуется с ценностями индивидуализма, продвигаемыми неолиберальной политикой. При этом нельзя не учитывать риски, связанные с попаданием женщин в формирующийся слой прекариата [Стэндинг, 2014] и феминизацией бедности [Вихтерих, 2005], хотя возможны случаи, когда одинокие женщины могут находиться в более выгодном положении по сравнению с замужними [Гурко, 2000].

На материалах глубинных полуструктурированных интервью в рамках лонгитюдного исследования мы намерены ответить на вопросы: каким образом одинокие женщины компенсируют доходы недостающего в семье кормильца и как гендерные отношения участвуют в процессе классовообразования в условиях неолиберального капитализма?

Теоретические рамки и методология исследования. В статье использованы данные, собранные в ходе изучения гендерных различий в стратегиях занятости в рамках лонгитюдного качественного исследования, осуществленного в регионах российскими учеными под

научным руководством С. Ашвин (Лондонская школа экономики) в 1999–2010 гг.¹ Исследование проводилось с подобранными группами респондентов, испытывающими в начале исследования трудности на рынке труда, в четырех городах России в пять этапов: через каждые полгода в первые два года исследования, последняя, пятая встреча состоялась в 2010 г. Каждый город имел целевую группу. В Москве опрашивались работники депрессивных предприятий, в Ульяновске – выпускники учебных заведений, Самаре – зарегистрированные безработные, Сыктывкаре – официальные бедные, т.е. лица, обратившиеся в органы социальной защиты и получившие статус нуждающихся. В ходе исследования фокус был направлен на изучение трудовых стратегий мужчин и женщин через сопоставление их намерений и действий, принимаемых для решения материальных трудностей и улучшения своих позиций на рынке труда. Среди выбранных нами четырех групп в разных регионах большее число одиноких матерей оказалось среди официальных бедных. В остальных регионах одиноких матерей было мало, поэтому принято решение ограничиться выборкой одиноких женщин из Сыктывкара. Из 60 респондентов (30 мужчин и 30 женщин) 20 – одинокие матери, практически все из числа рабочих. Для анализа использованы интервью всех пяти этапов. В общей сложности проанализированы 96 интервью. На последнем этапе четыре женщины по разным причинам (смерть, выезд в другой регион, смена места жительства) не принимали в нем участие.

В современной отечественной науке нет однозначного определения «одиноким матерям» [Данилова, 2009; Захаров, Чурилова, 2013; Лыткина, 2011а]. В узком смысле термин охватывает женщин, не состоящих в законном браке и имеющих внебрачных детей. Широкая коннотация включает разведенных матерей и вдов, воспитывающих детей в семьях без отца. В федеральном законодательстве сохраняется неоднозначность определения одинокого материнства [Смолева, 2017: 22]. Получение официального статуса одинокой матери связано с заявлением незамужней женщины при регистрации ребенка при отсутствии заявленных прав отца на родительство. Данный статус фиксируется до тех пор, пока ребенок не будет усыновлен или до его совершеннолетия. Замужество женщины не влечет за собой изменение полученного статуса.

Для нас наиболее важным основанием для отнесения к одиноким матерям была единоличная ответственность женщин за обеспечение семьи, ведение домашнего хозяйства и воспитание детей. Часто такие семьи называют материнскими. В нашу выборку вошли женщины, признанные одинокими матерями официально, а также женщины, которые прежде имели полную семью, но в силу различных причин (смерти мужа, лишения отца родительских прав, уклонения отца от воспитания детей) оказались наедине с проблемами материального обеспечения и воспитания детей. Однако мы не учитывали женщин, которые раньше имели официальный статус матери-одиночки, но позже вышли замуж и смогли создать семью. Также включены две женщины в семьях, в которых присутствовал мужчина, не являющийся отцом ребенка, но его статус в качестве мужа не признавался женщиной: его присутствие рассматривалось ими как временное из-за низкого участия в решении семейных проблем и неопределенности отношений. Среди респонденток была состоявшая в браке женщина, не проживающая совместно с мужем и не получающая от него помощи. Иногда при категоризации одиноких матерей также учитывают наличие помощи от родственников [Utrata, 2015]. Для нас этот критерий не был ключевым, поскольку помощь родственников и друзей распространена в российских семьях.

Обращение к одиноким матерям обусловлено стремлением соединить теоретическую дискуссию о положении «традиционных» женщин в «современном» обществе с социологическим анализом причин патриархатного доминирования, т.е. систематического подавления женщин, особенно тех, кто занимает низшие статусные позиции в неолиберальном капиталистическом обществе. Изучаемые нами женщины в основном из рабочего класса, имеют ограниченный спектр возможностей в выборе рабочих мест, тем более

¹ Проект финансировался грантом INTAS № 97:20280.

достойно оплачиваемых. Они вынуждены совмещать основную работу с приработками, воспитанием детей, ведением домашнего хозяйства, поддержанием родственных отношений. Они не имеют ни времени, ни денег, ни знаний, ни «голоса» или шанса быть услышанными, ни сочувствия со стороны общества. Мы критически оцениваем возможность решения проблем самими женщинами, когда остается невидимой роль структур в подавлении женщин, когда объяснения и решения вырабатываются без учета ресурсов, доступных им в преодолении материальных проблем, без принятия во внимание их зависимости от низкого статуса. Вслед за сторонниками марксистского феминизма² мы называем данную систему «капиталистическим патриархатом».

Через сравнение марксистского феминизма с либеральным в теоретической части статьи обсуждается то, как через феминистскую или гендерную призму осмыслены поставленные женским движением задачи и какие нерешенные вопросы остались применительно к социологическому изучению механизмов угнетения российских женщин в конкретном историческом, социальном и локальном контексте (постсоциализма). В практической части работы утверждается, что с давлением рынка происходит рекомодификация труда, проявляющаяся в повышении интенсивности оплачиваемого труда женщин в России, снижении уровня оплаты и сокращении возможностей защиты прав женщин; отсутствие выбора в сфере занятости ведет к воспроизводству традиционных ценностей и согласию на мужскую поддержку взамен свободы. Формирование российского рынка труда сопровождалось расширением периферии – сегмента низкооплачиваемых рабочих мест, с худшими условиями труда и меньшими возможностями защиты трудовых прав, – где в наиболее уязвимом положении оказались женщины из рабочего класса. Вместе со стабилизацией эти тенденции, инициированные государством, закрепляются в повседневных практиках решения материальных проблем и использования властных ресурсов. Тем самым на основании протяженных во времени данных выделяются эмпирические закономерности, определяющие современные структуры неравенства и перспективы самостоятельного обеспечения благополучия.

Одинокие матери в дискуссии о моделях угнетения и способах эмансипации.

Концептуализация того, как в условиях неолиберализма одинокие матери организуют повседневную жизнь, сочетая оплачиваемую работу на рынке труда с бесплатной заботой о домашнем хозяйстве и детях, тесно связана с представлениями о моделях угнетения и способах эмансипации современных женщин. При их обсуждении феминистские исследователи сегодня занимают противоречивую позицию. С одной стороны, утверждается, что гендерное неравенство усложняется и действует на пересечении разных оснований, с другой – обосновывается необходимость женщинам самостоятельно решать свои проблемы. Данное противоречие в российском контексте усугубляется вытеснением марксистского (социалистического) феминизма либеральным [Годси, 2020], а также однозначной критикой достижений социалистического проекта. Между тем без противодействия капитализм распространяется на ранее не охваченные им сферы, усиливая давление на сферу социального воспроизводства, извлекая прибыль за счет сокращения социальных гарантий, сворачивания государственных социальных услуг и вовлечения в процессы классового образования занятых трудом по поддержанию жизни.

Следуя либеральной традиции, исследователи настаивают, что в условиях индивидуализации и продвижения либеральных ценностей проблема индивидуального выбора (в частности, при осуществлении права на работу и права на реализацию заботы) становится центральной в определении способов современной эмансипации [Rossi, 2001; Klammer, 2018]. Собственно, эмансипация понимается как результат индивидуального принятия решений. Доказывается, что поиски альтернатив и риторика выбора дает ощущение власти и *agency*

²Fridda Haug: Thirteen Theses of Marxist Feminism // International Marxist Feminist Conferences. 2018. October 29. URL: <https://marxfemconference.net/2018/10/29/fridda-haug-thirteen-theses-of-marxism-feminism/> (дата обращения: 15.04.2021).

[Biese, McKie, 2016]; что реализации гендерного равенства при распределении оплачиваемой и бесплатной работы мешают представления о «естественном» предназначении мужчин и женщин [Ridgeway, 2011]. При таком подходе гендерный статусный процесс признается ключевым механизмом, ответственным за поддержание воображаемых границ, статусных позиций, за низкую оценку «женской работы» и за гендерную сегрегацию рынка труда даже в условиях социальных трансформаций [Ridgeway, 2014]. Анализ требует повышенного внимания к деталям, в частности к тому, что объединяет/разъединяет участников межличностного взаимодействия при реализации общей цели. И это можно отнести к достоинствам либерального подхода. Однако остается неясным, как формируются общая цель и статусные убеждения. Не учитывается, как микроструктуры повседневной жизни, которые организуют или которыми управляют женщины, становятся основой или невидимой предпосылкой для макроструктур, которыми управляют мужчины. Более того, с нашей точки зрения, такая позиция защищает интересы образованных (профессионально ориентированных) женщин, поскольку негативно оценивает жизненные стратегии женщин с низким статусом, без учета доступных остальным женщинам возможностей. Акцент делается на «традиционализме» и «традиционном» выборе, например, бывшей советской женщины, в пользу иерархического или жесткого разделения труда, т.е. в пользу патриархатной идеологии. Наконец, игнорируются структурные аспекты капитализма.

В основе марксистского феминизма лежали представления о справедливом обществе для всех, включая женщин, о необходимости общественных форм заботы о детях и о преимуществе создания условий для равенства мужчин и женщин; ключевая роль в поддержании социального порядка отводилась государству. Исследователи, придерживающиеся марксистских позиций, утверждают, что угнетение связано с фундаментальным типом отношений доминирования, выстроенным по классовым и гендерным основаниям, а эмансипация понимается как глубокая трансформация взаимосвязанных форм угнетения, поддерживаемых капиталистической системой. В настоящее время спор о том, какая из форм угнетения важнее, считается неуместным. Становится актуальным изучение того, каким образом гендер и класс переплетаются в капиталистическом производстве и отношениях власти [Арруцца, 2016: 74]. Также признается устаревшей идея освобождения женщин с помощью рабочего класса и рабочего движения, поскольку не подтвердилось предположение о том, что *пролетаризация* (участие женщин в наемном труде) является «ключом» к освобождению женщин³. Напротив, вовлечение женщин в оплачиваемую занятость обернулось для них «двойной нагрузкой» на работе и дома, в то время как феминизм «растворился в классовой борьбе» [Хартман, 1979/2016: 3–5]. Примечательно, что на пути к более прогрессивному союзу между феминизмом и марксизмом основные усилия феминистских исследователей были направлены на разработку чувствительных к угнетению женщин категорий. Социолог Д. Смит, развивающая социалистический феминизм, предложила наполнить конкретным смыслом абстрактные категории, а для этого исходить из повседневного опыта женщин и создавать социологическое знание, раскрывающее действие управляющих отношений, внешних по отношению к опыту [Smith, 1987; 2005]. Например, совместное выполнение школьниками и родителями домашних заданий не только становилось условием достижений в учебе и, соответственно, нормой среднего класса, но и являлось женской работой и материнской обязанностью, с которой с трудом справлялись одинокие матери [Smith, 2005: 31–35]. Таким образом раскрывался институциональный режим, признающий одиноких матерей неполноценной семьей и обеспечивающий воспроизводство классовых отношений, понимаемых не как внешняя детерминанта или аналитическая категория, а как социальное отношение, координирующее работу женщин. Преимуществом такого подхода является изучение структур угнетения через призму повседневных практик и тем самым раскрытие пределов автономии и

³ Haug F. Marx within Feminism. URL: <http://www.inkrit.de/frigga/documents/marxinfem.pdf> (дата обращения: 15.04.2021).

способности управлять личной жизненной ситуацией. Однако при этом недооценивается влияние внешних, выходящих за рамки домохозяйства сил.

Для решения этой задачи и значимым основанием для теоретического прорыва может быть детальное изучение того, как в конкретной ситуации единоличной ответственности женщин за обеспечение семьи, ведение домашнего хозяйства и воспитание детей формируется исключение, понимаемое в рамках марксизма как неравенство в правах и полномочиях в отношении производственных ресурсов, принимаемое в качестве одного из основных принципов концепции эксплуатации [Буравой, Райт, 2011: 50]. Мы считаем такой разворот перспективным для развития как феминистской, так и марксистской теории, поскольку это позволяет не только преодолеть «геттоизацию» феминистской теории внутри марксистской социологии [Stacey, Thorne, 1985; Chafetz, 1997], но и соединить результаты исследований механизмов угнетения и в целом гендерного неравенства с процессами классовообразования.

Трудовые практики одиноких матерей: между стабильностью и мобильностью. Радикальные изменения состава рабочих мест и качества трудовых отношений в годы реформ привели к усилению дискриминации женщин на рынке труда [Юрчак, 2002]. «Мужская» сфера занятости была значительно сокращена, но сохранила более высокие заработки, традиционно женские отрасли – низкий уровень оплаты труда. Ситуация усугубляется региональной спецификой [Лыткина, Смирнов, 2019: 39]. Наконец, жители провинциальных городов находятся в более стесненных обстоятельствах поиска работы, чем в столичных: им приходится делать «выбор» из числа ограниченных малооплачиваемых рабочих мест. «Я бы хотела найти высокооплачиваемую работу, но, как говорится, на безрыбье и рак – рыба» (4-47-1⁴).

Если у большинства замужних женщин есть выбор между «доходной» и «удобной» работой, позволяющей кроме работы заниматься детьми и домашним хозяйством или просто получать удовольствие на работе от общения с коллективом [Ярошенко, 2001; Тартаковская, 2015], то одинокие матери лишены подобного выбора. Личная ответственность одиноких женщин в первую очередь затрагивает вопросы обеспечения семьи и принятия важных решений, связанных с поисками доходов. Поэтому выбор «удобной» работы сменяется поиском «стабильной» работы, пусть с небольшим доходом, но обязательно с гарантированной занятостью, обеспечивающей снижение рисков безработицы. Если семейные женщины в поисках «удобной» работы планируют выполнение домашних забот, а обеспечение семьи возлагают на мужа, то одинокие женщины в поисках «стабильной» работы учитывают ее материальную составляющую (стабильность дохода) и возможность сочетания с другими видами работы (приработками), компенсирующими отсутствие доходов супруга. Остальные вопросы, включая воспитание детей, требуют от женщины сверхусилий.

В периоды нашего исследования стабильность и гарантированность занятости неразрывно были связаны с государственными предприятиями, а мобильность и высокие доходы за счет отказа от гарантий и защит прежней системы – с частными предприятиями. Данная тенденция наблюдается и сегодня. Отметим, что мужчины, в силу обстоятельств оказавшиеся одни с детьми, напротив, предпочитали «удобную» работу, обеспечивающую наличие времени для осуществления заботы и воспитания детей. При этом «удобство» одинокие мужчины из рабочего класса находили в неформальной занятости, не предполагающей стабильности, но требующей высокого уровня самоорганизации человека. Для наших респондентов подобная стратегия приводила к худшему результату [Лыткина, 2011б]. Изучаемые нами женщины могли ориентироваться на удобную работу, только если появлялся стабильный источник дохода. Например, помощь родственницы (4-13-13).

Таким образом, государство, ответственное за сворачивание экономики и создание дефицита рабочих мест в промышленности, предложило женщинам стабильную работу с низкими заработками, став тем самым основным игроком ужесточения эксплуатации женского труда, особенно тех, кто имел низкий статус и осуществлял заботу. Вместе со

⁴ Каждое интервью в тексте обозначено тремя цифрами: первая обозначает город (1 – Москва, 2 – Ульяновск, 3 – Самара, 4 – Сыктывкар), вторая – номер респондентов, третья – этап исследования.

снижением оплаты труда сворачивались другие блага и гарантии. В результате влияние на благополучие оказывали сначала классовая, а затем гендерная позиции, когда женщины из рабочего класса с низкой квалификацией, но с высокой долей ответственности за семью вынуждены были устраиваться на низкооплачиваемые места. *«Сделали мне небольшую ставку: 1 200 рублей. Зато платят. <...> Лучше, чем ничего»* (4-23-1).

Несмотря на то что одинокие матери стараются сократить периоды незанятости и минимизировать риски быть уволенной или сокращенной, они все же оказались более мобильными по сравнению с женщинами в супружеских парах из той же группы официальных бедных. При этом переходы с одного рабочего места на другое приносили лишь временное облегчение и не способствовали ни улучшению материального благополучия, ни карьерному продвижению. Напротив, смена рабочего места нередко приводила к рискам вынужденных увольнений, вызванных ликвидацией предприятия, сокращениями, необоснованными обвинениями в неисполнении обязанностей, нарушении дисциплины, кражах, недоверием и просто оскорблениями (4-3-4), (4-27-1). В интервью мы можем обнаружить как демонстрацию властной позиции одной женщины по отношению к подчиненной, так и воспроизводство патриархальных ценностей через подчинение коллективу из-за необходимости стать «своим»: *«Почему именно я должна уйти. Потом думала-думала и поняла, что все девочки там у них – новые знакомые, ну бывает там, что и водку с ними там выпьют, и на дачу ездят, ну как бы там, а я чужая»* (4-1-5).

Интервью свидетельствуют о нарушениях прав женщин и практике сексуальных домогательств на рабочих местах, но не менее, на наш взгляд, унижительная ситуация связана с подписанием трудовых контрактов, когда работодатель принимает на работу по медицинским справкам одних и тех же людей на определенный срок, а затем после краткосрочного перерыва вновь приглашает на работу. Данная практика позволяет выявить беременность на ранних сроках и отказать в трудоустройстве при наступлении беременности, сэкономив на положенных социальных выплатах. Актуальна и проблема «серых» заработных плат.

У нас нет статистических данных нарушения прав женщин в зависимости от экономического класса, характера рабочего места, отрасли, но интервью с женщинами подтверждают осознание данной проблемы, решать которую они должны собственными силами. Чаще всего такие сложности решаются увольнением с риском остаться без средств существования. Таким образом, переход с государственных предприятий в частный сектор связан с утратой гарантий и нарушением трудовых прав, а повышение заработной платы, как правило, не сопоставимо с повышением интенсивности труда, дискриминацией на рабочем месте и увольнениями.

Женская оплачиваемая работа на «износ»: условия труда и уровень жизни. Опрошенные одинокие женщины не лишены амбиций и желаний трудоустройства на престижные предприятия с высоким уровнем оплаты: *«Я хочу быть уверенной в себе, что я человек»* (4-23-1). Реализация планов, как правило, зависит от имеющихся в наличии женщин профессиональных и социальных ресурсов. Одна из респонденток, чье жизненное кредо на протяжении периода исследования было: *«не падать, любой ценой держаться на плаву»* (4-57-1), для поиска работы использовала все известные ей способы: обращение в службу занятости, объявления в газетах, сама активно ходила по предприятиям города и предлагала свои услуги. Но ее главной целью было вернуться на предприятие – одно из самых престижных, с которого была сокращена. Однако большая часть ее трудовой биографии прошла в совмещении нескольких работ. А решение материальных проблем наступило только с выходом на пенсию, позволившим отказаться от приработков, но не от основной работы. К пенсионному возрасту (50 лет) женщина была уже настолько измотана и больна, что с нетерпением ждала своей пенсии, чтоб иметь возможность отказаться от приработков. *«Пусть подрабатывают, я уже не могу. Я тряпку больше не могу выжать. Видите, какое здоровье»* (4-57-4).

Оплачиваемая занятость одиноких женщин сопровождается тяжелыми условиями труда, угрожающими здоровью. *«Зимой – тяжело очень, иду как на войну. <...> Лишь бы сил хватило и здоровья. <...> Ведь у меня остеохондроз и варикоз и все на свете. Ноги болят.*

<...> Буду до пенсии работать, лишь бы сил хватило. В поликлинику ходить нельзя, а если увидят, что болею, то спишут, поэтому мы для всех здоровы как лошади» (4-30-5). Такая ситуация характерна практически для каждой женщины, занятой в сфере социального воспроизводства, выполняющей низкоквалифицированную работу санитарок, уборщиц или посудомоек. Имея возможность сравнить наших одиноких матерей с женщинами из других регионов (Самара, безработные), отметим, что наличие образования и востребованной профессии предполагает более высокую оплату труда, но в таких случаях часто предлагается совмещение различных функций. Иными словами, если одинокие женщины из рабочего класса вынуждены решать материальные проблемы увеличением рабочих мест и продолжительности рабочего времени, то у образованных женщин происходит интенсификация труда. И в том и в другом случае работодатель значительно экономит на женском труде.

Проблема здоровья и недостаток времени из-за необходимости подработок для обеспечения семьи становятся основными барьерами на пути преодоления материальных лишений и укрепления личных позиций на рынке труда. Вначале работа и условия труда подрывают здоровье женщины, затем состояние здоровья не позволяет продолжать работу. Другой цикл лишений связан с тем, что отсутствие денег и выполняемые женщинами работы не дают возможности повышения образования и формирования профессиональной карьеры. При этом физические нагрузки нередко сопровождаются моральным угнетением, а осознание низкого социального статуса – острой потребностью интеграции в общество. «Тяжеловата эта работа, – для меня, как, наверное, для любой женщины, – да и не престижна. Ну что это, санитарка. Я ведь работы не боюсь никакой, но и нравиться, согласитесь, не может такая ситуация. Ведь неужели все, на что в жизни способна – полы мыть. Поэтому себе ищем оправдание что ли... Стараемся еще что-то сделать здесь, дополнительно помочь медсестре – человеком себя почувствовать, а не полумойкой. И это ведь край – тут карьеры не сделаешь, куда санитаркой расти?» (4-41-4).

В результате, несмотря на то что доступная одиноким матерям оплачиваемая занятость характеризуется ухудшением условий труда, повышением его интенсивности, потребность в поддержании социального статуса сочетается с согласием на дополнительные нагрузки. Отсутствие образования и предпринимательской активности компенсируются трудолюбием и отзывчивостью этих женщин. Однако эти черты остаются недооцененными, зачастую стигматизируются в качестве пережитка прошлого и активно эксплуатируются современным российским капитализмом.

Итак, низкая заработная плата одиноких женщин и отсутствие заработков мужчин вынуждают к поискам приработков. В периоды неплатежей приработки компенсировали как низкую оплату труда, так и задолженности по основному месту работы. В свою очередь задержки заработной платы на вторых (третьих) рабочих местах покрывалась выплатами заработной платы по основному месту работы. От женщины требовались виртуозные способности в домашней экономике. В настоящее время задержка заработной платы не столь распространена, как в 1990-х гг., но жонглировать между различными доходами одиноким женщинам по-прежнему приходится, как и вести семейный бюджет при наличии скудных средств, а также пытаться ухватиться за последние возможности внешней среды, доступные данной категории женщин.

Компенсации недостающего супруга: практики выживания. Дополнительными источниками доходов одиноких женщин были: помощь со стороны родственников и друзей, любовников, а также продукты, выращенные на приусадебном участке или привезенные из деревни, пособия со стороны государства. Однако помощь одиноким женщинам не является односторонним потоком «благ» исключительно в их сторону. Они сами очень много помогают, что приводит к сверхнагрузкам женщины. Наибольшую помощь оказывают близкие родственники, но обычно родители одиноких матерей из рабочего класса сами нуждаются в материальной поддержке, поэтому наиболее распространенной помощью является помощь трудом, которая позволяет освобожденное время тратить на заработки. Они помогают продуктами, выращенными на приусадебном участке. Общий

семейный бюджет с родителями облегчает материальное положение одинокой мамы и высвобождает время для отдыха (4-4-3).

Государственная забота преимущественно направлена на зарегистрированных матерей-одиночек. Спектр видов помощи широкий: дополнительные детские пособия и выплаты, льготы в трудовом и налоговом законодательстве, льготная очередь при устройстве в детский сад и т.д., – и в этом сохраняется советское влияние, когда государственная поддержка была привязана к занятости и облегчала ее совмещение с работой по дому. Однако в капиталистической системе суть такой поддержки выхолащивается и используется для минимизации денежных затрат за счет низких размеров зарплат и пособий. Разведенные женщины «выпадают» из сферы опеки государства и могут претендовать только на пособие лишь в том случае, если ответчик скрывается и объявлен в розыск. Полагается, что забота о ребенке должна оставаться обязанностью отца. Тем не менее на период исследования только 12% разведенных женщин получали алименты в размере 1/2 потребительской корзины, установленной на ребенка [Воронцова, 2000]. В еще худшей ситуации находятся замужние женщины, чьи мужья отказываются помогать в воспитании детей. Эти женщины практически не защищены в сфере занятости⁵, как и женщины-вдовы, имеющие право на получение ежемесячной социальной пенсии по потере кормильца на всех несовершеннолетних детей и себя в случае безработицы. Тем самым поощряется их выход с рынка труда, поскольку именно незанятость дает гарантию дополнительного пособия – пенсии. С точки зрения материальной обеспеченности, последняя категория женщин наиболее защищена государством, но именно они чаще всего оказываются в ловушке зависимости от государства. В итоге государственная поддержка не только разнонаправлена, но и создает прецедент несправедливого участия, раскалывает одиноких матерей на категории, не дает им выбора и явно недостаточна для формирования стратегий успешной самореализации в профессии и в материнстве. В целом выплата социальных пособий не решает проблем одиноких матерей, поскольку для этого требуется увеличение заработной платы и реорганизация рабочего места с учетом нужд работников, занимающихся семьей⁶.

Независимо от наличия и размера предусмотренных государственных пособий, получаемых алиментов, заработков самих женщин основной проблемой всех материнских семей остаются ежедневные трудности, связанные с недостатком денег: *«Ведь в наше время деньги самое главное. Где взять их, чтобы питаться, уж не говоря о хлебе насущном, об остальном»* (4-23-1). Низкая оценка материального положения сопровождается преодолением чувства одиночества и поисками своей социальной значимости.

Итак, женщины рискуют оказаться в ситуации нисходящей мобильности, соглашаясь на физически тяжелую работу с вредными условиями труда и совмещая ее с приработками, они сталкиваются с нарушением прав в сфере занятости. Несмотря на состояние фрустрации и снижение самооценки, они вынуждены сохранять самообладание и продолжать решать повседневные проблемы, проявляя свои сверхспособности в организации повседневной жизни и совмещая работу вне дома и домашний труд. Несмотря на то что в целом одинокие женщины демонстрируют наибольшую успешность в профессиональной самореализации и карьере⁷, только двум женщинам из нашей выборки удалось «примерить» на себя возможности восходящей мобильности: одна из них работала

⁵ При разрешении трудовых споров разведенная женщина может защитить свои права только через суд, доказывая, что она является единственным лицом, фактически осуществляющим родительские обязанности по воспитанию своих детей, однако подобные действия вызывают у данной категории женщин затруднения.

⁶ Реализация национальных проектов по решению демографических проблем также направлена на выплату различных пособий, в том числе материнского капитала. Наиболее распространенной практикой использования материнского капитала является направление средств на улучшение жилищных условий. Однако и эта возможность для одиноких женщин, едва сводящих концы с концами, остается недоступной.

⁷ Козина И. Работающие матери // ПОЛИТ.РУ. 2009. 29 декабря. URL: <https://polit.ru/article/2009/12/25/kozina/> (дата обращения: 24.09.2021).

преподавателем музыки, а впоследствии возглавила отдел в министерстве культуры; другая, повар по специальности, сначала стала соцработником, а затем заместителем директора организации, оказывающей помощь бездомным. Если в первом случае карьерный рост связан с наличием высшего образования и последующим поступлением в аспирантуру, то в основе другого продвижения лежали личные отношения, поддержавшие получение профессионального образования и повышение по службе, но вместе с их разрывом произошло и возвращение к прежнему статусу. Эти два единичных случая являются показательными примерами того, как на основании личного опыта женщины сами оценивают и сравнивают положение людей с разным статусом, отмечая более изнурительный труд рабочих, смену унылой работы на более интересную с появлением дополнительного времени, доходов и возможностей заняться собой, домашними делами и заботой о детях.

На первом этапе исследования у семнадцати наших респонденток их личные доходы были ниже прожиточного минимума, еще у двух они были равны ему. На последнем этапе (2010) ситуация выглядит лучше, но не столько из-за улучшения ситуации этих женщин на рынке труда, сколько из-за выбранной методики исчисления прожиточного минимума. Только у одной доходы составляли среднемесячную заработную плату по региону, у большинства она оставалась втрое меньше. Только одной женщине из рабочего класса удалось сделать ремонт в квартире, обновить мебель и технику благодаря трем работам и помощи мужчин-друзей. Как и все женщины с советским опытом экономической независимости, они не боялись стать одинокими матерями, но в изменившихся условиях многие из них не справились с этой задачей. В результате за исследуемый период было зарегистрировано три брака и шесть случаев сожительства с постоянным или временным проживанием, в том числе, когда мужчина практически выполнял роль сиделки для ребенка, в то время как его мать имела возможность работать посменно.

Одинокие матери в постсоветском контексте: вместо заключения. Современные научные дискуссии избегают обсуждения неравных возможностей экономических классов, формального равенства и дискриминационного характера текущих процессов расслоения, усугубляемых отсутствием каналов вертикальной мобильности для женщин (как и для мужчин) из низкоресурсных групп, объясняя процессы классовобразования выбором самих женщин, особенностями межличностного взаимодействия в процессе заботы и в целом культурными моделями неравенства. В результате происходит оправдание социального и гендерного неравенства, когда одни женщины, занимающие более благополучные социальные позиции и заинтересованные в правовом продвижении женской автономии, «не видят», как другим женщинам предлагаются низкооплачиваемые рабочие места и унижительные условия труда, как они сталкиваются с нехваткой времени, денег и сил на повышение квалификации, как стремятся компенсировать недостаток образования усердием, а нехватку средств – мобилизацией социальных связей. Противоречивое воспроизводство классовых отношений этим не ограничивается, а проявляется в стремлении государства минимизировать издержки, возложив ответственность за обеспечение на семью. Мы показали, что работа отнимает много времени, физических и моральных сил, но не дает достаточных доходов. Отметим цикличность проблем в трудовой биографии, когда работа негативно сказывается на здоровье женщины, а впоследствии здоровье ограничивает их в выборе рабочих мест. Сочетание основной работы с приработками ставит под сомнение возможности профессиональной карьеры, а недостаток времени и денег – возможности получения дополнительного образования. Очевидно, не только сами женщины не успевают участвовать в образовательной гонке, но и их дети. Их матери слишком перегружены, чтоб дополнительно заниматься развитием ребенка. Все это способствует воспроизводству бедности, класса и гендерных установок. Одинокие матери, не справляющиеся с возрастающими требованиями, вынуждены признать значимость «полноценной традиционной семьи», соглашаться на поддержку мужчин ценой утраты независимости и согласия на обременительные отношения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арруцц Ч. Квир-союз между марксизмом и феминизмом // Хартман Х. Несчастливый брак марксизма с феминизмом: путь к более прогрессивному союзу. М.: Свобмарксизд, 2016. С. 60–74.
- Ашвин С. Утверждение мужской идентичности на рынке труда в современной России // Рубеж. Альманах социальных исследований. 2001. № 16–17. С. 5–24.
- Буравой М., Райт Э.О. Социологический марксизм // Социология. 2011. № 2. С. 43–57.
- Вихтерих К. Женщины в условиях глобализации. М.: Звенья, 2005.
- Воронцова М.Г. Участвуют ли отцы в обеспечении детей? // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 145–148.
- Годси К. Почему у женщин при социализме секс лучше: Аргументы в пользу экономической независимости. М.: Альпина нон-фикшн, 2020.
- Гурко Т.А. Вариативность представления в сфере родительства // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 90–97.
- Данилова С.С. Социологический анализ проблем одиноких матерей в малом городе (на примере Ивановской обл.) // Женщина в российском обществе. 2009. № 1(50). С. 49–57.
- Захаров С., Чурилова Е. Феномен одинокого материнства в России: статистико-демографический анализ распространенности и механизмов его формирования // Мир России. 2013. Т. 22. № 4. С. 86–117.
- Лыткина Т. Материнская семья: Советская мечта и постсоветская реальность // Женский проект: метаморфозы диссидентского феминизма во взглядах молодого поколения России и Австрии / Под ред. С.С. Ярошенко. СПб.: Алетей, 2011а. С. 74–94.
- Лыткина Т. Распределение власти в семье как фактор стратегии занятости и организации домохозяйства // Рубеж. Альманах социальных исследований. 2001. № 16–17. С. 50–65.
- Лыткина Т. Социальная биография исключения в постсоветской России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011б. № 1. С. 87–109.
- Лыткина Т.С., Смирнов А.В. Российский Север в условиях глобальной неолиберальной политики: преодоление пространственного неравенства или вытеснение? // Мир России. 2019. Т. 28. № 3. С. 27–47. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-3-27-47.
- Молева Е.О. Многодетные и одинокие матери: стереотипы и социальная уязвимость // Женщина в российском обществе. 2017. № 4. С. 14–25.
- Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.
- Тартаковская И. Воспроизводство гендерного порядка через карьерные стратегии: попытка интерсекционального анализа // Социологические исследования. 2015. № 5. С. 84–93.
- Хартман Х. Несчастливый брак марксизма с феминизмом: путь к более прогрессивному союзу. М.: Свобмарксизд, 2016.
- Юрчак А. Мужская экономика: «Не до глупостей, когда карьеру куешь» // О мужественности: Сб. ст. / Составитель С.М. Ушакин. М.: НЛО, 2002.
- Ярошенко С. Гендерные различия стратегий занятости работающих бедных в России // Рубеж. Альманах социальных исследований. 2001. № 16–17. С. 25–49.
- Biese I., McKie L. Opting in: Women in Search of Well-Being // Handbook on Well-Being of Working Women / Ed. by M.L. Connerley, J. Wu. London; New York: Springer, 2016. P. 503–516.
- Chafetz J.S. Feminist Theory and Sociology: Underutilized Contributions for Mainstream Sociology // Annual Review of Sociology. 1997. Vol. 23. P. 97–120. DOI: 10.1146/annurev.soc.23.1.97.
- Klammer U. Gender and Career Patterns in Light of EU Employment and Social Policy Strategies // Erwerbsverlauf und sozialer Schutz in Europa / Ed. by E.M. Hohnerlein et al. London: Springer, 2018. P. 48–55.
- Ridgeway C. Framed by Gender: How Gender Inequality Persists in the Modern World. New York: Oxford Univ. Press, 2011.
- Ridgeway C. Why Status Matters for Inequality // American Sociological Review. 2014. Vol. 79. No. 1. P. 1–16. DOI: 10.1177/0003122413515997.
- Rossi A.S. (ed.) Caring and Doing for Others: Social Responsibility in the Domains of Family, Work and Community. Chicago: University of Chicago Press, 2001.
- Smith D.E. Institutional Ethnography: A Sociology for People. Toronto: AltaMira Press, 2005.
- Smith D.E. The Everyday World as Problematic: A Feminist Sociology. Boston: Open Univ. Press, 1987.
- Stacey J., Thorne B. The Missing Feminist Revolution in Sociology // Social Problems. 1985. Vol. 32. No. 4. P. 301–316. DOI: 10.2307/800754.
- Utrata J. Women without Men: Single Mothers and Family Change in the New Russia. London: Cornell Univ. Press, 2015.

Статья поступила: 27.04.21. Финальная версия: 30.06.21. Принята к публикации: 24.09.21.

ON THE INTERSECTION OF GENDER AND CLASS: HOW SINGLE MOTHERS ORGANIZE THEIR EVERYDAY LIFE IN POST-SOCIALIST RUSSIA

LYTKINA T.S.*, YAROSHENKO S.S.**

*Institute of Social, Economic and Energy Problems of the North of the Komi Science Centre, Ural Branch of RAS, Russia; **St. Petersburg State University, Russia

Tatyana S. LYTKINA, Cand. Sci. (Sociol.), Senior Research Fellow, Institute of Social, Economic and Energy Problems of the North of the Komi Science Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia (tlytkina@yandex.ru); Svetlana S. YAROSHENKO, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Chair of Comparative Sociology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia (svetayaroshenko@gmail.com).

Abstract. The article analyzes of how gender inequality is woven into the process of class formation in post-socialist conditions. Based on the materials of in-depth semi-structured interviews with single mothers in the framework of a longitudinal study, it is proved that single motherhood is becoming a gender institution that accumulates multiple structural oppression of women through the elimination of guarantees, increasing intensity of paid work, decreasing wages and the need to cover missing incomes by mobilizing their social resources and links. The intensity of work is not limited to paid employment, it also grows in the domestic sphere, where they also have to be more practical, spending additional efforts on maintaining family relationships eventually resulting in significant savings on food and services. The norm of the Soviet gender order of women's double employment at home and at work took on a different meaning. Women's employment under the coercion of the state has transformed into economically forced employment, which however does not allow achieving material independence and confidence in the future. The prospects for upward mobility are more and more limited, and not only for the women we studied but also for their children.

Keywords: single mothers, employment, life strategies, well-being, Marxist feminist analysis, post socialism.

REFERENCES

- Arruzza C. (2016) The Queer Alliance between Marxism and Feminism. In: Hartman H. *Unhappy Marriage of Marxism and Feminism: Toward a More Progressive Union*. Moscow: Svobmarxizd. (In Russ.)
- Ashwin S. (2001) Approval of Male Identity in the Labor Market in Modern Russia. *Rubezh. Almanakh sotsialnykh issledovaniy* [Frontier. Almanac of Social Research]. No. 16–17: 5–24. (In Russ.)
- Biese I., McKie L. (2016) Opting in: Women in Search of Well-Being. In: Connerley M.L., Wu J. (eds) *Handbook on Well-Being of Working Women*. London; New York: Springer: 503–516.
- Burawoy M., Wright E.O. (2011) Sociological Marxism. *Sotsiologiya* [Sociology]. No. 2: 43–57. (In Russ.)
- Chafetz J.S. (1997) Feminist Theory and Sociology: Underutilized Contributions for Mainstream Sociology. *Annual Review of Sociology*. Vol. 23: 97–120. DOI: 10.1146/annurev.soc.23.1.97.
- Danilova S.S. (2009) Sociological Analysis of the Problem of Single Mothers in a Small Town (the Case of the Ivanovo Region). *Zhenshchina v rossijskom obshchestve* [Woman in Russian Society]. No. 1(50): 49–57.
- Ghodsee K. (2020) *Why Women Have Better Sex under Socialism: And Other Arguments for Economic Independence*. Moscow: Alpina non-fiction. (In Russ.)
- Gurko T.A. (2000) Variativeness of Views in the Sphere of Parenthood. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 90–97. (In Russ.)
- Hartman H. (2016) *Unhappy Marriage of Marxism and Feminism: Toward a More Progressive Union*. Moscow: Svobmarxizd. (In Russ.)
- Klammer U. (2018) Gender and Career Patterns in Light of EU Employment and Social Policy Strategies. In: Hohnerlein E.M. et al. (eds) *Employment and Social Protection in Europe*. London: Springer: 48–55.
- Lytkina T. (2001) The Distribution of Power in the Family as a Factor in Employment Strategies and Household Organization. *Rubezh. Almanakh sotsialnykh issledovaniy* [Frontier. Almanac of Social Research]. 2001. No. 16–17: 50–65. (In Russ.)
- Lytkina T. (2011a) Maternal Family: The Soviet Dream and Post-Soviet Reality. In: Yaroshenko S.S. (ed.) *Women's Project: Metamorphoses of Dissident Feminism in Outlook of Young Generation in Russia and Austria*. St. Petersburg: Aletheia. (In Russ.)
- Lytkina T. (2011b) The Biography of Social Exclusion in Post-Soviet Russia. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 14. No. 1: 87–109. (In Russ.)

- Lytkina T., Smirnov A. (2019) The Russian North in the Context of Global Neoliberal Politics: Overcoming Spatial Inequality or Expulsion? *Mir Rossii* [Universe of Russia]. Vol. 28. No. 3: 27–47. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-3-27-47. (In Russ.)
- Ridgeway C. (2011) *Framed by Gender: How Gender Inequality Persists in the Modern World*. New York: Oxford Univ. Press.
- Ridgeway C. (2014) Why Status Matters for Inequality. *American Sociological Review*. Vol. 79. No. 1: 1–16. DOI: 10.1177/0003122413515997.
- Rossi A.S. (ed.) (2001) *Caring and Doing for Others: Social Responsibility in the Domains of Family, Work and Community*. Chicago: University of Chicago Press.
- Smith D.E. (1987) *The Everyday World as Problematic: A Feminist Sociology*. Boston: Open Univ. Press.
- Smith D.E. (2005) *Institutional Ethnography: A Sociology for People*. Toronto: AltaMira Press.
- Smoleva E.O. (2017) Mothers with Many Children and Single Mothers: Stereotypes and Social Vulnerability. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve* [Woman in Russian Society]. No. 4: 14–25.
- Stacey J., Thorne B. (1985) The Missing Feminist Revolution in Sociology. *Social Problems*. Vol. 32. No. 4: 301–316. DOI: 10.2307/800754.
- Standing G. (2014) *Precariat: The New Dangerous Class*. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)
- Tartakovskaya I.N. (2015) The Gender Order Reproduction via Career Strategies: Intersectional Analyses. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 84–93. (In Russ.)
- Utrata J. (2015) *Women without Men: Single Mothers and Family Change in the New Russia*. London: Cornell Univ. Press.
- Voronzova M.G. (2000) Are Fathers Involved in Providing for Children? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 145–148. (In Russ.)
- Wichterich C. (2005) *Femme Global: Globalization is not Gender Neutral*. Moscow: Links. (In Russ.)
- Yaroshenko S. (2001) Gender Differences in Strategies of Employment among Working Poor. *Rubezh. Almanakh sotsialnykh issledovaniy* [Frontier. Almanac of Social Research]. 2001. No. 16–17: 25–49. (In Russ.)
- Yurchak A. (2002) Men's Economy: "Don't be Silly When You Forge a Career". In: Ushakin S. (ed.) *On Masculinity*. Moscow: NLO. (In Russ.)
- Zaharov S., Churilova E. (2013) Single Motherhood in Russia: Statistical and Demographic Analysis of its Prevalence and Formation Patterns. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. Vol. 22. No. 4: 86–117. (In Russ.)

Received: 27.04.21. Final version: 30.06.21. Accepted: 24.09.21.